

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКТРИСА НАКАНУНЕ СВОЕГО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОДЕЛИЛАСЬ ВОСПОМИНАНИЯМИ О РОЛЯХ, О РЕЖИССЕРАХ И ПЕДАГОГАХ, О КОРОГОДСКОМ И ФИЛЬШТИНСКОМ...

Она и ленинградский — петербургский ТЮЗ неразрывны. Ученица Корогодского и Додина, актриса, которая не боится быть смешной, но может сыграть самую высокую трагедию. И переиграла на этой сцене все что можно: Шагинян, Островский, Шекспир, Пушкин, Жироду, Шеффер, Гоголь, Гофман, Достоевский... А дети уже трех поколений знают ее по роли Королевы в одной из лучших отечественных новогодних киносказок. Нашему корреспонденту посчастливилось поговорить с актрисой накануне «круглого» дня рождения, который она отметила 20 мая.

Лиана ЖВАНИЯ:

Театр — это другой берег жизни

ГУЛИКО —
В ПЕРЕВОДЕ «СЕРДЦЕ»

— Лиана Дмитриевна, у вас красивое грузинское имя...

— Бабушка придумала мне два имени: одно официальное — Лиана — и второе домашнее — Гуля, Гулико. Второе попроще, но пока мы в первые мои годы жили в Тбилиси (во мне есть грузинская кровь по папе), Лиана было более адекватно. Но я так всю жизнь Гулей и хожу, Лианой себя не ощущаю. Лиана — это что-то такое ползучее, таинственное, а Гуля — простое, сердечное. Ведь Гулико по-грузински и есть «сердце»...

— У какого-то народа есть поверье, что чем у ребенка больше имен, тем он меньше подвержен влиянию злых сил...

— То-то я смотрю, что мне так везет в жизни: работаю в прекрасном театре, есть замечательная дочь, друзья. Родители у меня тоже были прекрасные... И еще есть непрекращающаяся любовь к жизни. А ведь иногда у людей пропадает эта любовь в зависимости от личных обстоятельств.

— А что подпитывает вашу любовь к жизни?

— Точно могу сказать, что меня от многого спасает театр. Театр — это другой берег жизни, на котором игра наполнена высшим смыслом. Именно в театре есть попытка осознания того, кто ты, зачем живешь. Если я месяц не играю или не репетирую что-нибудь, я начинаю поддаться внутренней панике. Нет, не оттого, что нет ролей или нет моего имени на афише, а оттого, что может остановиться некий механизм, запущенный во мне с детства, лет этак с пяти с половиной...

«С ВЕРОЙ, НАДЕЖДОЙ
И НЕЖНОСТЬЮ...»

— Вы так точно называете возраст, в котором и помнят-то себя не все!

— Да, около шести лет мне было, когда мы переехали в Петербург. Жили у моей бабушки, часто собирались за круглым столом на семейные, клановые посиделки, созданные «на пирожки». И маленькая Гуля могла, позаимствовав дедушкину морскую форму, фуражку, кортик, появиться перед всеми со словами «Выступает Гуля Жвания!». Правда, изображала я почему-то чаще всего подвыпивших людей... Почему? До сих пор для меня загадка: ведь дома никто никогда не пил...

— А что вы испытывали, когда впервые увидели свое имя на настоящей, «взрослой» театральной афише?

— Это действительно очень важно для

любого артиста — впервые увидеть свое имя на афише, но я свое увидела вовсе не печатными буквами... Когда я пришла к Корогодскому на второй курс, там уже вовсю придумывали наполнение номеров для спектакля «Наш цирк». Я постоянно пребывала в страхе и ужасе, что не смогу оправдать доверие Зиновия Яковлевича, не смогу догнать остальных, и он, что-

В спектакле «Пыль в глаза».

бы как-то воодушевить меня, позволил мне выйти на сцену в «Нашем цирке» — подержать одну из букв на большом полукруге. Какая я там была актриса? Ничего еще не понимающая девчонка! Но перед спектаклем Корогодский в мою гримерку приносит афишку, в которой как раз моего-то имени печатными буквами и нет, но от руки крупно и размашисто написано: «Лиане Жвания с верой, надеждой и нежностью. Лиана, желаю вам оказаться...» Что я испытала тогда, сегодня и не передать, но дороже этого и быть ничего не может.

«НЕ НАДО ТАК БЫСТРО
БЕГАТЬ!»

— Как педагог Корогодский был уникален...

— Более чем. И не только для меня — для всех. Зиновий Яковлевич и Додин умели из природного, сырого, неоформленного материала сделать человека-творца, и это было определяющим. Именно эти учителя помогли сформировать во мне художественный организм. Это редкий педагогический дар, который дается не всем. Как и почему он снизошел на этих двоих? Быть может, они прямые наследники Станиславского? Когда нас учили, часто звучало определение психологизма как способности танцевать «актерский вальс». «Раз-два-три»: увидеть, оценить,

Королева в «Двенадцати месяцах» запомнилась многим поколениям.

точно отреагировать. А следующий «тур» — увидеть, как это оценил и взял твой партнер, как он отреагировал. Новые формы театру, безусловно, нужны, и растет он именно благодаря их поиску. Но когда сегодня говорят, что психологический театр умер... Театр не может существовать вне психологизма, который может быть спрятан, может внешне не проявляться, но он всегда будет подполейкой.

— А почему вы оказались у Корогодского сразу на втором курсе?

— Вдохновленная детскими подвигами в изображении всевозможных характеров, я продолжила драматические опыты в школе, где поставила спектакль по Чехову и сыграла Мерчуткину. Поступила в педагогическое училище: мы играли Гоголя и Чехова, а потом я решила, что уже достаточно подготовлена для поступления в театральный институт. Я с детства была цекастая, а читать же стала блоковское «Я — Гамлет. Холодеет кровь. Когда плетет коварство сети...». Макарьев мне говорит: «Стоп, девушка, у вас нет другого материала? Ваши внешние данные, не хочу вас обидеть, не соответствуют вашим внутренним переживаниям». Грузинская кровь дала о себе знать: я обиделась. Вышла, увидела еще одну очередь и спросила, куда это. Оказалось, к Корогодскому — на режиссуру. Представлений о роли режиссера в театре у меня тогда не было никаких, но я пошла. Правда, уже с несколько уколотым самолюбием. Первый тур, второй... А тогда осаждали Корогодского Коля Лавров, Йонас Вайткус, Саша Городецкий, Миша Богин... Я многим подыгрывала, даже нарасхват была: и отрывки, и басни. Третий тур: за столом сидят Товстоногов, Агамирзян, с краешка — Корогодский с Додиним. И вот Товстоногов спрашивает: «Скажите, а для чего в театре режиссер?» Я молчу, пятнами покрываюсь, пауза затягивается. Потом говорю: «В самом деле, для чего?» В зале раздается хохот, они

просто под столы падают. И уже у двери меня добивает в спину вопрос Шведерского: «Скажите, а кто нынче президент Франции?» Я: «А при чем тут президент Франции?» Шведерский: «Валери Жискар д'Эстен». Потом в коридор вышел Фильштинский, зачитал списки — меня нет. Как же? Я ведь все три тура прошла! Я выскакиваю из института. Идет дождь, льются слезы. Я их вытираю в ближайшей подворотне... Редко бывают в жизни минуты такого резкого отчаяния, такой боли. Я подумала, что жизнь кончена, потом подумала, что это какая-то ошибка... Вернулась и в дверях столкнулась с Фильштинским: «Куда ты помчалась, дура? Завтра к Корогодскому на второй курс. На актерский. Додин тебя будет смотреть. И не надо, Жвания, так бегать». Вот вам и второй курс. А потом 25 лет счастья, не лишнего и трудных моментов: Липочка в постановке Додина «Свои люди — сочтемся», мисс Ортон в «Месс-Менде», Мнишек в «Борисе Годунове»...

«ЖАЛКО ЭТУ КОРОЛЕВУ...»

— Не могу вас не спросить о киноролье, сделавшей вас в одночасье знаменитой: Королева в фильме «Двенадцать месяцев»...

— Вот не люблю быть знаменитой... Но это ностальгия по юности, по надежде сниматься в кино (чего не случилось — так и осталась актрисой одной роли). Я так хотела это сыграть, мне так было жалко эту королеву — сироту, человечка, который не так уж плох, а скорее несчастен. И я сыграла это очень уверенно — потому что знала, что я играю, и потому что у меня сложились невероятно близкие отношения с сыном Маршака, автора пьесы. Он поддерживал меня, укреплял веру в собственные силы словами о том, что я воплотила все, что хотел сказать его отец... Но успех этого фильма определила отнюдь не роль Королевы (хотя меня даже Зиновий Яковлевич похвалил: «Молодец, существуешь в процессе»). Я иногда пересматриваю ленту: великие, уникальные актеры — Николай Волков, Татьяна Пельтцер, Ольга Викланд, Лев Лемке, Георгий Теих, Леонид Куравлев. Даже танцы там ставил молодой Борис Эйфман! Все талантливые, добрые, мудрые люди. И деликатный режиссер Анатолий Граник, создавший атмосферу настоящей творческой свободы, давшей нам с Наташей Поповой возможность приобщиться к удивительному созвездию.